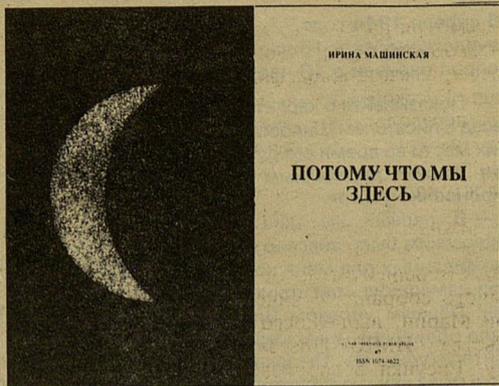

Русская лирика - Париж - 1995 -
26 окт. - с 12.

НЕХОЛЕНАЯ ЛИРА

...как звякнет да всхлипнет моя
нехоленая лира.
И. Машинская

В нашей недавней рецензии на последнюю книгу «Нового журнала» («РМ» № 4092) мы упоминали Ирину Машинскую, стихотворная подборка которой была, на наш вкус, лучшей в номере. Стихи ее не печатались в России, но с недавних пор стали появляться в эмигрантских изданиях, в том числе и в «РМ». Наше упоминание о ней, однако, было чисто номинативным, вскользь, хотелось дождаться более «частного» повода к разговору о ее поэзии, который мог быть представлен только книгой стихов.

Такая, двуязычная, книжка вышла недавно в Америке, объемом в 15 страниц с обеих («русской» и «английской») сторон. Выполненная в черно-белых тонах, спитая черной ниткой, внешне она больше всего похожа на тетради для графических эскизов. Наш разговор о полиграфии не напрасен, ибо полиграфическая подача в данном случае имеет непосредственное отношение к поэтике. Такова поэзия Ирины Машинской графический набросок, сделанный гак, для себя, на коленях:

Тут заканчивается пространство.
Мусор пенится, как убрание,
кружево серое, как оборка.

(«АВТОБУС. Ньюарк, Нью-Джерси»)

Стихи И.Машинской обладают самым выгодным для поэта качеством: они удивляют. В поэзии жемчужин, в лучших ее образцах источник удивления лучше всего искать в сферах не тематических и не образных, а интонационных. Хотя бы здесь, в «малом» шедевре Ирины Машинской, одном из лучших стихотворений, какие мне попадались за последнее время:

из гаражей выезжают машины
спереди важно садятся мужчины
(но иногда и дамы)

правую ногу согнув в колене —
все буквально, даже толени
втискиваются — и выезжают
из гаражей

это неважный, как все,
но пылкий,
хмурый такой городок, и жалко
утром его покидать

я оглядываюсь на знаки
СТОП — и мимо иду; собаки
спят и никто не лает

это сулящее вечер утро,
как разворачивающаяся сутра:
прохладно, чисто

это райская жизнь, и значит,
все мы в раю, вот и птичка плачет
в дереве красном

(«Блюз пешего хода»)

Но интонация — феномен не речевой, как принято думать, а **биографический**, то есть интонация сложившегося поэта — это озвучение и вербализация всех сцеплений его личной судьбы, **музыка** его пути. Путь Ирины Машинской привел ее в эмиграцию, то есть в специфическую для стихотворца психолингвистическую ситуацию, когда из-под твоих

пальцев ускользает с роковой неувловимостью и неумолимостью самое главное для тебя — твой язык. (Нечто подобное бетховенской глухоте).

Не сумев на чужом — не умею
сказать на родном.

Эти брызги в окно, эта музыка вся
об одном.

Я ныряю, хоть знаю, что там ничего
не растет —

разве дождь просочится
да поезд внезапный пройдет.

Потому что, сказать не сумев, мы уже
не сумеем молчать.

Солнце речи родимой взойдет — мы
подкидыша станем качать.

Мы, к счастью, совсем не находим у Ирины Машинской надрывного эмигрантского ностальгического пытья, подсолонного накарами "четвертой волны", хотя чувство отторженности от родины, точнее, отчужденности, у нее выражено острее, чем у кого бы то ни было из новейших эмигрантов. (Показательно название одного ее цикла «Песни унылой родины».)

По в начале начал опять же отторженность от языка, его опустошенность, являющаяся **фонетически** овеществленной метафорой так хорошо знакомой нам тотальной пустоты:

Что в рифму гудеть нам, когда
не слышать отголоска?

Ума и обмылка не сыщешь,
ни мысли обноска.

Записки в руке не удержишь,
о дружбах забудем.

Где вывесок пыльный рубин —
там фотографа бубен.

Хоть как поглядеть нам
хотелось бы на поколение,
хоть горечь почувствовать, что ли,
хоть сожаленье.

Как будто всех вместе небесные
твари украли,
лучом ослепили,
и с палубы гладкой содрали.

Эта пустота у Машинской ничем не заполняется (у нее нарочито обедненная поэтика, и голос ее тревожаще спокоен), — разве что пустынным же американским городским «пейзажем»:

Окно, газета, жара. Красот —
не видно. Черная женщина ест
кроссворд.

По горизонтали: через проход
белая женщина ест кроссворд.

Мы, однако, не хотим изменять давно заученному правилу — не социологизировать чрезмерно поэзию, и поэтому поищем тайну интонации И.Машинской, т.е. ее обаяния, в неписанных законах самой речи, какой бы она ни была: «родимой» ли, «чужой», отчужденной от носителя, затрудненной, прихотливой... В одном из ее стихотворений есть две строки, взятые в скобки:

(привычка разговаривать с собой
отличие занятий идеальных)...

Вот бы где искать разгадку **удивительных** ее стихов: в «привычке разговаривать с собой». И.Машинская отличается от огромного большинства стихотворцев именно тем, что (перефразируя Мандельштама) делает ненужным стыдливое отношение к собственной, «частной», речи, **экстериоризирует** ее, переносит на бумагу, казалось бы, в неизменном виде, и здесь ее весьма своеобразная поэтика не является собственно техническим изобретением, а честной формой поэтического высказывания, чем-то подстраиваемым под ее разговор наедине с собой.

Что-то я от тебя от себя устала
что-то мне стало с тобой с собой
не чудно

ты же сто лет уже это я с вокзала
— вот и скажи: что так не мудро,
не мутно

дурно выходит как-то бочком неловко
чудится ёкнуло пискнуло показалось
выйдем давай на свет на любую
лавку...

(Стихов этих нет в книге, мы их извлекли из майского номера «РМ»).

На первой странице книги И.Машинской стоит посвящение: «Внимательному читателю». Посвящение несколько гавтологическое (невнимательный читатель вообще не станет читать стихов или закроет их на следующей же странице после посвящения), но его в первую очередь надо отнести к переводчикам стихов на английский — Александру Сумеркину и Алексу Хальберштаду.

МАНУК ЖАЖОЯН

Париж